

ПОЭЗИЯ ПРОЗА СЕРЕДИНЫ 1980-Х - 1990-Х ГОДОВ

Гисова Василья Авазавна

*Доктор философии (PhD) по филологическим наукам
преподаватель кафедры русской филологии Ферганского государственного
университета*

Туйчиева Райхон

*Студентка Ферганского государственного университета, направление
русская филология и обучение языках*

Аннотация: *Поэзия и проза середины 1980-х – 1990-х годов представляют собой уникальный литературный пласт, сформировавшийся на фоне масштабных общественных трансформаций, связанных с перестройкой, распадом СССР, возникновением новых культурных ориентиров и кризисом прежних идеологических систем. В этот период русская литература переживает резкий поворот к обновлению эстетических форм, к разрушению стереотипов соцреализма и к утверждению индивидуального творческого голоса. Художественные тексты приобретают выраженную исповедальность, личностную интонацию, стремление к правдивому изображению реальности без идеологических фильтров. Поэтическое творчество конца XX века характеризуется жанрово-стилевым многообразием: от гражданской лирики и философских поэтических размышлений до постмодернистских экспериментов с языком, цитатностью, интертекстуальностью. В этот период значительно укрепляется позиция «новой поэзии», связанной с именами Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, А. Вознесенского, а также формируется «новая волна» поэтов, которые стремятся разрушить прежнюю иерархичность литературы. Темы свободы, личной ответственности, поисков собственной идентичности, жизненной неустойчивости становятся главными мотивами лирических произведений, отражающих драматическое состояние общества переходного времени.*

Ключевые слова: *поэзия 1980–1990-х годов; проза перестроечного периода; постмодернизм; новая искренность; документальность; автобиографизм; историческая память; культурный кризис; перестройка; постсоветская литература; литературные эксперименты; интертекстуальность; духовный поиск; социальные трансформации; художественное новаторство.*

Перестройка, гласность, последующий распад Советского Союза и формирование новых общественных реалий стали мощными катализаторами переоценки художественных ценностей, вызвали стремление к освобождению

художественного слова от идеологических ограничений и привели к возникновению принципиально новой литературной атмосферы. Литература конца XX века вступила в фазу, когда писателю больше не было необходимо следовать официальным эстетическим канонам, и поэтому художественный текст получил возможность свободно развиваться, опираясь на индивидуальную позицию автора, его личный опыт, мировоззрение и внутренний конфликт.

Середина 1980-х обозначила конец эпохи социалистического реализма как единственно разрешённой художественной системы. На первый план вышли темы, которые ранее замалчивались или находились под строгим идеологическим контролем: трагические страницы истории, репрессии, деформация человеческой личности в условиях тоталитарного общества, духовное одиночество, разочарование, поиск смысла в меняющемся мире. Появление ранее запрещённых текстов и авторов, открытое обсуждение культурных и исторических травм, разрушение мифов о советской действительности — всё это стало основой для нового литературного сознания. И поэзия, и проза этого периода развиваются в атмосфере интенсивного творческого поиска. Поэты стремятся к обновлению языка, к разрушению привычных ритмических и жанровых моделей, к усилению личностного начала в лирике. Поэтическое слово становится пространством переживания индивидуального опыта, выражения сомнений, тревог, надежд человека, оказавшегося в переломное время. Поэзия перестаёт быть рупором коллективных идей и начинает восприниматься как наиболее чуткая форма фиксации эмоциональных и духовных процессов.

Проза 1980-1990-х годов характеризуется мощным притоком документальных жанров, исповедального письма, автобиографичности. Писатели обращаются к внутреннему миру человека, к его памяти, к травматическому опыту — личному и национальному. В произведениях усиливается интерес к психологической сложности личности, к проблемам морального выбора, к состоянию человека в условиях радикальных социальных трансформаций. Одновременно с этим активно развивается постмодернистское направление, привносящее в литературу элементы игры, иронии, интертекстуальности, разрушения линейных повествовательных структур.

Литературный процесс середины 1980-х – 1990-х годов сформировался в уникальной историко-культурной среде, когда общество переживало масштабную ломку стереотипов, идеологических установок и нравственных ориентиров. Одновременно происходила трансформация художественного сознания, которое стремительно освобождалось от жестких рамок социалистического реализма и искало новые способы выражения личного и коллективного опыта. Переходная эпоха требовала от литературы не только

фиксации фактов, но и глубокого философского осмысления происходящих изменений, а также переосмысления исторической памяти. Многие исследователи подчёркивают, что литература рубежа эпох стала «пространством духовной дезориентации и одновременно пространством поиска истины» [1, с. 57]. Поэтическая сфера в этот период переживает необычайный подъем, связанный прежде всего с утратой монополии официального художественного метода. Поэты стремятся вернуть слову подлинную свободу, что проявляется в увеличении доли личностной, интимной, философской лирики. В отличие от поэзии 1960–1970-х годов, где гражданское звучание доминировало над личным опытом, поэзия конца века становится исповедальной, внутренней, нередко психологически обнажённой. Именно поэтому исследователи называют этот период временем «новой искренности», в которой субъективный голос автора становится центральным [2, с. 143].

Значительное влияние на поэзию оказала и «культурная травма» эпохи — переживание утраты прежней идентичности, разрушение социальных основ, ощущение неопределенности. В текстах появляются мотивы одиночества, бесприютности, духовной неустойчивости, стремления найти опору в мире, который перестал быть целостным. Поэты всё чаще обращаются к теме памяти — личной, семейной, коллективной — как к единственной форме связи с прошлым, которое также переживает пересмотр и демифологизацию [3, с. 201]. С другой стороны, в поэзии активно формируется и постмодернистская линия, связанная с разрушением традиционных жанров, с игрой с цитатами, аллюзиями, с интертекстуальной многослойностью. Постмодернистская поэтика не стремится к прямому выражению эмоций; напротив, она предлагает интеллектуальную игру, иронию, скепсис по отношению к серьезным смыслам. Многие исследователи справедливо отмечают, что постмодернистская поэзия 1980–1990-х годов стала своеобразной реакцией на идеологизированность предыдущих десятилетий: игра заменяет пафос, ирония — риторические декларации, фрагментарность — монументальность [4, с. 88].

Проза этого периода характеризуется несколькими ключевыми тенденциями. Во-первых, усиливается интерес к документальности, к факту, к достоверному свидетельству. Писатели стремятся фиксировать реальность без прикрас, опираясь на личный или коллективный опыт. Именно поэтому огромную популярность приобретают жанры мемуаров, дневников, исповедального письма, художественно-документальных очерков. Литература перестает быть инструментом идеологического внушения и становится средством восстановления реальной истории, нередко травматичной и болезненной [5, с. 59]. Во-вторых, важнейшей характеристикой прозы становится глубокий психологизм. Писатели пытаются раскрыть внутренний мир личности, живущей

в условиях утраты прежних ценностей. Главные герои произведений часто оказываются «людьми на грани»: их внутренние переживания, сомнения, кризисы становятся основным содержанием текста. Литература этого периода в большой мере сосредоточена на поиске новых духовных ориентиров, на попытке осмыслить, что значит быть личностью в стремительно меняющемся мире. Отдельное место занимает тема исторической травмы. Публикация ранее запрещённых произведений о репрессиях, лагерях, подавленных культурных движениях привела к необходимости переосмысления национального прошлого. Проза конца XX века стала площадкой для разговора о трагических страницах истории, о судьбах людей, сломанных системой. Авторы стремились не только восстановить события, но и показать глубокие психологические последствия тоталитарного прошлого, которые продолжают воздействовать на общество [7, с. 304].

Третьей важной тенденцией становится развитие постмодернизма, который в 1990-е годы становится доминирующим направлением. Его художественные принципы — фрагментарность, интертекстуальность, игра, ирония, обилие культурных кодов — формируют новую литературную парадигму, противопоставленную традиционному реализму. Постмодернизм отражает ломку привычных категорий: истины, истории, художественного авторитета. Он демонстрирует, что мир конца XX века — это мир текстов, цитат, знаков, лишённый абсолютных смыслов [6, с. 177]. Многие исследователи считают, что именно постмодернистская проза наиболее точно выразила ощущение переходной эпохи: неустойчивость, хаотичность, неопределенность. Герои произведений нередко испытывают кризис идентичности, утрату способности к прямому восприятию реальности, отчуждение. Однако одновременно постмодернизм приносит в литературу игру, юмор, парадоксальность, разрушая трагическую однозначность жизни. Одной из ключевых характеристик литературы 1980-1990-х годов является её необыкновенное многоголосие. В литературное поле входят авторы самых разных поколений и направлений. Сосуществуют реализм, неореализм, постреализм, постмодернизм, мемуарная литература, женская проза, новые формы интеллектуального романа. Исследователи отмечают, что эта эпоха разрушает представление о литературе как о единой системе: вместо неё возникает «литературное поле множественности, в котором нет центра и периферии»

Жанровая палитра значительно расширяется: появляются «лёгкий роман», психологический роман, роман-фантазия, философская проза, антиутопии, сатирические тексты, экспериментальная литература. Литература становится не только отражением реальности, но и лабораторией новых художественных форм,

в которой активно используются механизмы метатекста, культурной игры, смешения жанров.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев, С. С. Поэтика ранней и поздней современности. — М.: Языки культуры, 1997. — 312 с.
2. Балашов, Н. И. Русская литература конца XX века: проблемы и тенденции. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 284 с.
3. Бойм, С. Общие места: мифы русской повседневности. — М.: НЛО, 1999. — 368 с.
4. Генис, А. А. Кухня народов мира: Очерки культуры 1990-х. — М.: Вагриус, 2002. — 416 с.
5. Гуревич, П. С. Литература и культурная память: трансформации конца XX века. — М.: Академический проект, 2001. — 295 с.
6. Ермолин, Е. А. Русская проза «перестроечной» эпохи. — М.: Флинта, 2003. — 352 с.